

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра литературно-художественной критики и публицистики

Особенности перевода рассказа Марии Луизы Кашниц «Призраки»

Курсовая работа

студентки III курса

дневного отделения

Антоновой Елены Сергеевны

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор Сергеева-Клятис Анна Юрьевна

Москва 2019

Оглавление

Введение	3
Биография автора.....	3
Лингвостилистические особенности текста.....	4
1. Лексика.....	4
2. Синтаксис.....	5
3. Прямая речь	6
4. Поток сознания	6
Перевод.....	7

Введение

В немецкой литературе послевоенного периода (вторая половина XX века) множество замечательных авторов: трудные годы войны породили целую плеяду талантливых новеллистов, эссеистов, поэтов и прозаиков. В их числе и Мария Луиза Кашниц – талантливый, незаслуженно обойдённый громкой славой автор. Кашниц создала немало произведений: среди них и поэтические сборники, и романы, и рассказы, и размышления, и опубликованные посмертно дневники. Но если стихотворения и крупные произведения ещё частично переведены на русский язык, то многие из замечательных рассказов этой писательницы не имеют перевода или переведены только в старых изданиях, которых уже нет в свободном доступе. Именно так обстоит дело с рассказом Марии Луизы Кашниц «Призраки» («Gespenster»). Прочитав рассказ впервые на немецком языке, я была поражена силой повествования и впечатлением, которое оставляет этот совсем небольшой рассказ после прочтения. Узнав, что доступного перевода этого произведения на русский язык не существует, я захотела создать этот перевод самостоятельно. Именно поэтому я выбрала рассказ «Призраки» для курсовой работы.

Биография автора

Мария Луиза Кашниц родилась в 1901 году в Карлсруэ в дворянской семье. Офицерских детей нередко приглашал к себе в гости кайзер, и в детстве Мария Луиза играла в парке с принцессой Викторией Луизой. В юности писательница изучала книготорговое дело и в 1925 году вышла замуж за известного австрийского археолога Гвидо фон Кашниц-Вайнберга. К литературе Кашниц обратилась в 30-е годы, и, хотя отзывы критиков на ранние произведения были положительными, наибольший успех писательнице принёс послевоенный сборник эссе «Menschen und Dinge»

(«Люди и вещи») (1945). В 1958 году скончался муж Марии Луизы, и с тех пор её творчество получило новое развитие – проза и поэзия оказались под влиянием горя писательницы. Тема смерти, потустороннего мира, непознанного становится основой и для рассказа «Призраки», написанного в 1960 году.

Кашниц преподавала поэтику в университете Франкфурта, являлась членом ПЕН-клуба, а также получила множество литературных наград, включая премии Георга Бюхнера в 1955 году и премию Росвиты в 1973 году.

Скончалась Мария Луиза Кашниц в 1974 году в возрасте 73 лет в Риме^{1,2}

Лингвостилистические особенности текста

Стиль Марии Луизы Кашниц достаточно специфичен и имеет несколько ярких особенностей, усложняющих перевод на русский язык.

1. Лексика

Лексика писательницы достаточно доступная и частотная, встречаются архаизмы, соответствующие времени написания рассказа. Так, например, Кашниц пишет: «Dann stand Vivian plötzlich auf und drehte das Radio an». Речь идёт не просто о включении радио – глагол «andrehen» буквально переводится как «привёртывать», «прикручивать», «заводить»³. В начале второй половины XX века радио можно было включить только покрутив специальное колесо – кнопок включения и переключения частот не было. Поэтому при переводе я добавила поясняющее слово: «Потом Вивиан внезапно встала и начала крутить ручку радио».

Кроме того, среди лексических особенностей Кашниц можно отметить окказионализмы. В рассказе «Призраки» это слово «Nachsommerhimmel»,

---

¹ Dagmar von Gersdorff: Marie Luise Kaschnitz. Eine Biographie. Insel, Frankfurt am Main 1992

² <https://www.dw.com/ru/портрет-мария-луиза-кашниц/a-625181>

³ Большой немецко-русский словарь

которого нет в словарях. Здесь Кашниц проявляет общую тенденцию немецкого языка к сращиванию нескольких слов в одно (как, например, в случае со словом «fahrradfreundlich»=Fahrrad + freundlich, которое есть в словарях⁴ и буквально переводится как «дружелюбный к велосипедам, поддерживающий езду на велосипеде»). Для сохранения эффекта авторского неологизма я перевела это слово буквально – «последнее небо».

2. Синтаксис

Особое внимание необходимо уделить синтаксису. Стилю Кашниц характерны очень длинные, нагруженные, сложные конструкции. При этом, учитывая разницу в грамматическом строе русского и немецкого языка, очень важно аккуратно переводить такие громоздкие конструкции, при этом максимально сохраняя стиль автора и не допуская логических ошибок в стремлении сделать синтаксическую конструкцию как можно более понятной и «читабельной» для носителя русского языка. Так, например, на первых же страницах Кашниц вводит предложение: «Ich erinnere mich, daß wir schon auf dem Weg ins Theater, auf den steilen Rolltreppen der Untergrundbahn hinab- und hinaufschwebend und im eisigen Schluchtenwind der Bahnsteige den Zügen nacheilend, in eine seltsam Stimmung von Erregung und Freude gerieten, und daß wir dann vor dem noch geschlossenen Vorhang saßen, wie Kinder, die zum ersten Mal ein Weihnachtsmärchen auf der Bühne sehen». Это сложное предложение, состоящее из четырёх простых, с тремя придаточными частями, осложнённое сравнительным оборотом и двумя деепричастными оборотами. Подобные предложения не редкость для стиля писательницы – я переводила их планомерно, аккуратно, каждый раз начиная с синтаксического анализа предложения, чтобы разобраться в его структуре. Так, это предложение я перевела следующим образом: «Я помню, что уже по дороге в театр, когда мы спускались и поднимались в метро по крутым эскалаторам, и ледяной ветер, будто в ущелье, дул на перроне, догоняя поезда, мы почувствовали редкое

---

⁴ Universal-Lexikon

возбуждение и радость, и что потом мы сидели перед ещё опущенным занавесом, как дети, которые в первый раз пришли в театр, чтобы послушать рождественские сказки». Полностью сохранить структуру не удалось ввиду грамматических различий языков. В русском переводе это сложное предложение, состоящее из семи простых, с шестью придаточными частями, осложнённое двумя сравнительными оборотами и деепричастным оборотом.

3. Прямая речь

Крайне специфична авторская пунктуация при выделении прямой речи. Зачастую автор не использует никаких традиционных знаков для её выделения (тире, двоеточие, кавычки), а вводит прямую речь в предложение как осложняющую конструкцию, то есть, как правило, просто обособляет запятыми: «Die Nachbarn, sagte ich, man muß die Nachbarn fragen, und schon öffnete sich ein Fenster im nächsten, zur Rechten gelegenen Haus, und eine dicke Frau schüttelte ihren Besen über den hübschen Herbstastern des Vorgärtchens aus». В данном предложении прямая речь продолжается повествованием без графического разделения.

Кроме того, зачастую Кашниц не соблюдает правила графики, например, начиная слова автора после прямой речи, окончившейся знаком вопроса, с маленькой буквы: «Tot? fragten wir und fingen an durcheinander zu reden».

4. Поток сознания

Перечисленные выше особенности синтаксиса и пунктуации во многом сближают стиль повествования Кашниц с приёмом «потока сознания». Слова и мысли чётко не отграничиваются от описаний и слов рассказчика, разные части текстовой ткани как бы наслаиваются друг на друга. Кроме того, в рассказе присутствует эпизод, в котором один из героев описывает свои воспоминания, и они выхватываются из его сознания урывками, эпизодами, картинками, бесконтрольно и быстро сменяя друг друга: «Er habe jetzt sogar etwas ganz Bestimmtes im Sinn, vorher, beim Tanzen sei es ihm eingefallen, eine Bergstraße, ein Hinüber- und Herübersehen von Wagen zu Wagen, in dem einen

habe er gegessen, allein, und in dem anderen, einem roten Sportwagen, die Geschwister, das Mädchen am Steuer, und nach einer kurzen Stockung im Verkehr einem minutenlangen Nebeneinanderfahren, habe es ihn überholt und sei davongeschossen auf eine schon nicht mehr vernünftige Art». Такой приём в совокупности с крайне сдержанной пунктуацией роднит Кашниц с такими мастерами «потока сознания», как Джеймс Джойс и Уильям Фолкнер. Для переводчика подобный стиль повествования представляет большую трудность: важно сохранить ритм и гармонию произведения, переводя при этом максимально близко к тексту и подстраивая грамматический строй предложений под русский язык. Читателю также необходимо подстроиться под ритм такого текста: «Сейчас у него на уме было нечто определённое, что пришло ему в голову ещё тогда, во время танца, горная дорога, взгляд на проезжающие туда-сюда машины, в одной из которых он сидел один, а в другой, спортивной красной машине, брат с сестрой, девушка за рулём, и после короткого затора на дороге поездка параллельно друг другу длиной в минуту, она его обогнала и умчалась вперёд неразумно быстро».

Перевод

Призраки

Случалось ли мне когда-либо встречаться с призраками? О да, несомненно – я всё ещё хорошо помню эту историю и расскажу её вам. Но когда я закончу, не спрашивайте меня ни о чём и не требуйте никаких разъяснений, потому что я знаю только то, что расскажу вам, и ни словом больше.

Эта история началась в театре, а именно в лондонском «Олд Вике», во время спектакля «Ричард II» по пьесе Шекспира. Это был наш с мужем первый визит в Лондон, и город произвёл на нас огромное впечатление. Мы ведь жили большей частью на природе, в Австрии, и хотя, конечно, бывали в Вене, и в

Мюнхене, и в Риме, но что такое международная столица, мы не знали. Я помню, что уже по дороге в театр, когда мы спускались и поднимались в метро по крутым эскалаторам, и ледяной ветер, будто в ущелье, дул на перроне, догоняя поезда, мы почувствовали редкое возбуждение и радость, и что потом мы сидели перед ещё опущенным занавесом, как дети, которые в первый раз пришли в театр, чтобы послушать рождественские сказки. Наконец поднялся занавес, и пьеса началась, вскоре появился молодой король, симпатичный парень, плейбой, от которого мы узнали, как обошлась с ним судьба, как его могут свергнуть, и как он должен в конце концов погибнуть, бессильный и не имеющий возможности ничего изменить.

Но в то время как я наблюдала за оживлённым действием постановки, увлечённо разглядывала красочные декорации и костюмы и не могла отвести глаз от сцены, Антон казался отвлёкшимся и не думающим о происходящем в пьесе, как будто в какой-то момент что-то заняло его внимание. Когда я, ища сопереживания, повернулась к нему, то заметила, что он совсем не смотрит на сцену, и совершенно не слушает, что там говорят, что он намного пристальнее вглядывается в женщину, которая сидела в одном ряду от нас, немного впереди справа, и которая тоже несколько раз наполовину оборачивалась к нему, причём на её потерянном профиле читалось что-то вроде нерешительной усмешки.

Мы с Антоном были в то время женаты уже шесть лет, у меня был опыт, и я знала, что он любит посмотреть на симпатичных женщин и юных девушек, с удовольствием с ними сближается, чтобы испытать притягательность своих красивых южных глаз. Такое поведение никогда не было для меня причиной настоящей ревности, и сейчас я тоже не ревновала, меня только немного раздражало, что Антон пропускает занятие, которое казалось мне столь особенно достойным. Поэтому я не стала дальше следить за покорением, которое он намеревался совершить. Даже когда он в один момент в ходе первого акта легко дотронулся до моей руки и, с приподнятым подбородком и опущенными веками, указал в сторону красавицы, я только дружелюбно

кивнула и снова обратилась к сцене. В антракте, однако, было уже не отвернуться. Антон буквально продирался, так быстро, как только мог, через ряд сидений и тянул меня за собой к выходу, и я поняла, что он хочет подождать там, пока незнакомка пройдёт мимо нас, предполагая, что она вообще оставит своё место. Однако она поначалу не двинулась с места. Теперь было ясно, что она не одна, а в сопровождении молодого человека, у которого, как и у неё самой, был нежный, белый цвет лица и рыжеватые волосы и который производил какое-то сонное, почти умирающее впечатление. Она не особенно симпатичная, подумала я, и не слишком элегантна, юбка в складку и пуловер, как на прогулке за городом. А потом я предложила пройтись снаружи и стала говорить о пьесе, хотя я уже заметила, что всё это было бесполезно.

Антон не вышел вместе со мной, и он совершенно меня не слышал. Почти невежливо уставился он на молодую пару, которая теперь поднялась с мест и приближалась, тоже со странной медлительностью, почти как во сне. Он не может с ними заговорить, подумала я, здесь так не принято, так нигде не принято, но здесь это просто непростительный поступок. Между тем девушка проходила уже совсем близко от нас, не смотря на Антона. Программа выпала у неё из руки и раскрылась на ковре, как когда-то раньше кружевной платочек, *suivez-moi*⁵, связь из давно позабытых времён. Антон нагнулся над тетрадкой, но вместо того, чтобы поднять её, он позволил себе бросить на неё взгляд, сделав это, промурчал на своём жалком английском всякие несуразности о представлении и актёрах и представился наконец незнакомцам и представил меня, что, кажется, немало удивило молодого человека. Да, удивление и сопротивление читались и на лице юной девушки, хотя это она уронила программу с явным намерением и хотя сейчас она без всякого стеснения смотрела моему мужу в глаза, пусть и печальным взглядом. Они оглядели руку, которую Антон, по континентальному обычаю, простодушно протянул, не представились, сказали только, что они брат и

---

⁵ Фр. – следуйте за мной

сестра, и от звука их голосов, который был в высшей степени нежным, мягким и совершенно не пугающим, меня пробил странный озноб. После этих слов, при которых Антон покраснел, как мальчишка, мы переместились, бродили вверх и вниз по коридору, и говорили, запинаясь, о ерунде, и когда мы проходили мимо зеркала, незнакомая девушка остановилась и поправила волосы и улыбнулась Антону в зеркале. Потом позвонили, и мы пошли обратно на наши места, и я слушала, и смотрела, и забыла про брата и сестру-англичан, но Антон о них не забыл. Он уже так часто не поглядывал туда, но я всё же заметила, что он только и ждал, когда пьеса подойдёт к концу и что он совсем не принял к сердцу ужасную и одинокую смерть состарившегося короля. Когда опустился занавес, он не дождался оваций и повторного выхода актёров, а сразу протиснулся к брату с сестрой и заговорил с ними, он явно уговаривал их передать ему их гардеробные номерки, а сразу после, с чуждым ему выражением на лице, протискивался сквозь очередь спокойно ожидающих зрителей и вскоре вернулся, навьюченный пальто и шляпами; а меня злило его рвение, и я была убеждена, что мы в итоге холодно разойдёмся с нашими новыми знакомыми и что мне, после впечатления, которое я получила на трагедии, не предстоит ничего другого, кроме того, как идти с моим разочарованным и расстроенным Антоном домой.

Но вышло совершенно по-другому, потому что на улице шёл сильный дождь, не было ни одного такси и мы стеснились в единственном, которое Антон на бегу и размахивая руками наконец смог раздобыть. Наше положение вызвало веселье и смех, и я тоже позабыла своё неудовольствие. Куда? спросил Антон, и девушка сказала своим милым высоким голосом: «к нам». Она назвала водителю улицу и номер дома и пригласила нас, к моему большому удивлению, на чашечку чая. Меня зовут Вивиан, сказала она, а моего брата зовут Лори, и мы бы хотели, чтобы вы обращались к нам по именам. Я смотрела на девушку со стороны и была шокирована, насколько оживлённее она стала, как будто раньше она была парализована, и только

сейчас была в состоянии, вблизи наших тел или тела Антона, шевелить конечностями. Когда мы высадились, Антон поспешил заплатить водителю, а я стояла и смотрела на дома, которые были построены друг за другом и выглядели абсолютно одинаково, узкие, с пристройками в храмовом стиле и с палисадниками, в которых везде росли одни и те же цветы, и я невольно подумала, как это должно быть сложно, каждый раз узнавать здесь свой дом, и была почти рада увидеть в саду брата с сестрой что-то отличающееся, а именно сидящую каменную кошку. Лори открыл входную дверь, и теперь они с сестрой поднимались перед нами по лестнице наверх. Антон воспользовался возможностью, чтобы прошептать мне, я их знаю, я их точно знаю, если бы я только знал, откуда. Наверху быстро исчезла Вивиан, чтобы поставить чайник, и Антон спросил её брата, не были ли они оба недавно за границей и где. Лори ответил нерешительно, почти вымученно, я не могла различить, не хочет ли он отвечать на личный вопрос или не может припомнить, это казалось именно так, потому что он провёл пару раз по лбу и выглядел несчастным. С ним что-то не так, подумала я, со всем что-то не так, странный дом, такой тихий и тёмный, и мебель покрыта пылью, как будто комнаты давно необитаемы. Даже груши электрических ламп перегорели или были выкручены. Нужно было зажигать свечи, множество которых стояло в серебряных подсвечниках на старой мебели. Это выглядело тем не менее симпатично и создавало уют. Тарелки, которые Вивиан вынесла на блестящем подносе, тоже были симпатичными, тонкие и красиво раскрашенные синим. Целый пейзаж из снов был изображён на фарфоре. Чай был крепким и горьким на вкус, сахара и сливок не было. О чём вы говорите, спросила Вивиан, и посмотрела на Антона, и мой муж повторил свой вопрос с почти невежливой настойчивостью. Да, ответила Вивиан сразу, мы были в Австрии, в – но теперь она тоже не могла назвать место и смущённо вглядывалась в круглый, покрытый тонким слоем пыли стол.

Тогда Антон достал портсигар, плоский золотой портсигар, который он унаследовал от отца и который он, вопреки господствующей моде доставать сигареты прямо из пачки, всё ещё использовал. Он открыл его и предложил всем по сигарете, после чего снова его закрыл. Он положил его на стол, что я прекрасно помнила на следующее утро, когда он его хватился.

Итак, мы пили чай и курили, а потом Вивиан внезапно встала и начала крутить ручку радио, и через резкие шумы и обрывки голосов динамик соскользнул к нежной и звенящей танцевальной музыке. Мы потанцуем, сказала Вивиан и посмотрела на моего мужа, и Антон сразу поднялся и обвил её рукой. Её брат не предпринял попытки пригласить меня на танец. Так мы остались сидеть за столом и слушать музыку и смотреть на пару, которая двигалась туда и сюда на фоне большой комнаты. Не так уж и холодны англичане, подумала я, и уже знала, что я имела в виду другое, потому что холод, лёгкий, нежный холод по-прежнему исходил от незнакомой девушки, и при этом какая-то странная жадность, с которой она туго стискивала вокруг моего мужа свои маленькие руки, как присоски ползучего растения, и беззвучно шевелила губами, как будто обдумывала крики страшной скорби и бедствия. Антон, который тогда был ещё крепким молодым мужчиной и хорошим танцором, казалось, не замечал странного поведения своей партнёрши, он смотрел спокойно и ласково за неё, и иногда так же посматривал и на меня, как будто хотел сказать, ни о чём не думай, это пройдёт мимо, это ничто. Но хотя Вивиан парила рядом с ним так легко и изящно, казалось, что этот танец, обычный для музыки из радио, не имеет конца и что менялись только ритм и мелодия, сильно его напрягая, скоро его лоб покрылся каплями пота, и когда они с Вивиан в один момент прошли близко от меня, я могла различить его дыхание, больше похожее на одышку или стоны.

Лори, который довольно сонно смотрел в мою сторону, неожиданно начал стучать в такт музыке, для чего он то постукивал костяшками пальцев,

то использовал чайную ложку, то сбивчиво стучал портсигаром моего мужа по столу, что придало музыке какую-то бездыханность, а меня просто повергло в ужас. Ловушка, подумала я, они нас тут заперли, нас, должно быть, ограбят или увезут, и сразу за тем безумная мысль – кто мы здесь, ничего не значащие незнакомцы, туристы, театральные зрители, у которых ничего при себе нет, кроме горстки денег, чтобы в случае чего перекусить после представления. Внезапно меня потянуло в сон, я пару раз украдкой зевнула. Не был ли чай, который мы пили, непривычно горьким и не принесла ли Вивиан чашки уже наполненными, так что она могла подложить в наши снотворное? Прочь, подумала я, домой в отель, и снова стала искать взгляд моего мужа, который уже на меня не смотрел, а держал глаза закрытыми, в то время как нежное лицо его партнёрши опустилось ему на плечо. Где телефон? спросила я невежливо, я хотела бы заказать такси. Сзади охотно подскочил Лори, аппарат стоял на ящике, но когда Лори снял трубку, не было слышно гудков. Лори только с сожалением передёрнул плечами, но теперь Антон насторожился. Он остановился и убрал руку с девушки, которая удивлённо подняла на него глаза и пугающе покачнулась, как нежный куст на ветру. Уже поздно, сказал мой муж, боюсь, нам пора идти. К моему удивлению, брат с сестрой ничего не возразили, только обменялись ещё парой дружелюбных и вежливых слов. Спасибо за приятный вечер и так далее, и потом молчаливый Лори проводил нас вниз по лестнице к входной двери, а Вивиан осталась стоять наверху, прислонилась к перилам и издала маленький, лёгкий, как птица, звук, который мог значить всё, что угодно, и совершенно ничего.

Стоянка такси была поблизости, но Антон хотел немного пройтись пешком, он был сперва молчалив и как будто обессилен, а потом внезапно начал оживлённо говорить. Он совершенно точно уже где-то видел брата с сестрой и недавно, вероятно, в Кицбюле, весной, для иностранца запомнить это название и впрямь непросто, неудивительно, что Вивиан не смогла его припомнить. Сейчас у него на уме было нечто определённое, что пришло ему

в голову ещё тогда, во время танца, горная дорога, взгляд на проезжающие туда-сюда машины, в одной из которых он сидел один, а в другой, спортивной красной машине, брат с сестрой, девушка за рулём, и после короткого затора на дороге поездка параллельно друг другу длинной в минуту, она его обогнала и умчалась вперёд неразумно быстро. Неправда ли, они симпатичные и какие-то особенные, спросил Антон сразу после, и я сказала, что симпатичные и особенные, но немного жуткие, и я напомнила ему про затхлый запах в квартире и про пыль и выключенный телефон. Антон ничего этого не заметил и сейчас ничего не хотел об этом знать, но ссориться мы оба тоже не хотели, мы только очень устали, и поэтому через некоторое время прекратили разговаривать и очень мирно поехали домой в отель и легли в постель.

На следующее утро мы запланировали поход в галерею Тэйт, у нас уже был каталог этого знаменитого музея, и мы пролистывали его за завтраком и продумывали, какие картины мы хотим посмотреть, а какие нет. Но сразу после завтрака мой муж обнаружил пропажу портсигара, и когда я ему сказала, что в последний раз я видела его на столе у англичан, он предложил забрать его перед походом в музей. Я сразу подумала, что он его специально там оставил, но ничего не сказала. Мы нашли улицу на плане города и потом поехали на автобусе до площади неподалёку. Дождь больше не шёл. Нежно-золотой туман лежал над дальними лугами парка, и большие здания с колокольнями и фронтонами возникали и снова таинственно исчезали в тающей дымке. Антон был в прекрасном расположении духа, и я тоже. Я забыла все волнения вчерашнего вечера и была заинтригована, как наши новые знакомые выглядят при дневном свете и как они будут себя вести. Без труда мы нашли улицу и дом и были только удивлены, увидев все ставни закрытыми, как будто внутри все ещё спали или жильцы уехали в долгое путешествие. Когда после моего первого застенчивого звонка в доме ничего не шевельнулось, мы позвонили настойчивее, наконец, почти невежливо долго и громко. На двери висело старомодное дверное кольцо из латуни, и под конец

мы воспользовались и им, не услышав внутри шагов или голосов. Наконец мы отошли, но только на пару домов вниз по улице, потом Антон снова остановился. Дело не в портсигаре, сказал он, что-то могло приключиться с этими молодыми людьми, отравление газом, например, здесь повсюду газовые камины, и я видел один в спальне. О возможном отъезде брата с сестрой он не хотел думать, в любом случае надо было бы позвонить в полицию, и сейчас он был слишком взволнован, чтобы осматривать картины в музее. Между тем туман растворился, прекрасное, голубое послелетнее небо показалось над улицей, по которой лишь изредка проезжали автомобили, и над домом №79, к которому мы только что вернулись и который стоял по-прежнему тихо и мертво, как и раньше.

Соседи, сказала я, нужно спросить соседей, в соседнем доме справа уже открыто окно, и полная женщина встряхивает метлой перед симпатичными цветами в небольшом садике. Мы окликнули её и попытались объяснить всё так, чтобы она нас поняла. Мы не знали их фамилии, только Вивиан и Лори, но, казалось, женщина сразу поняла, кого мы имеем в виду. Она убрала метлу назад, положила свою мощную грудь в цветастой блузе на оконный проём и испуганно посмотрела на нас. Мы были в этом доме, сказал Антон, ещё вчера вечером, мы там оставили кое-что, что хотим сейчас забрать, и на лице женщины вдруг показалось недоверие. Это невозможно, сказала она своим резким голосом, ключ был только у неё, дом пустует. С каких пор, спросила я невольно и уже подумала, что мы наверняка ошиблись номером дома, хотя в палисаднике, теперь при свете солнца, лежала каменная кошка.

Уже три месяца, сказала женщина очень твёрдо, с тех пор, как погибли юные господа. Погибли? Спросили мы и стали наперебой говорить, со смехом, мы вчера были вместе в театре, мы пили с ними чай, и слушали музыку, и танцевали.

Минуту, сказала полная женщина и закрыла окно, и я уже подумала, что она сейчас позвонит, и нас увезут в лечебницу или в полицию. Но она вскоре вышла на улицу с любопытством на лице и большой связкой ключей в руке. Я не сумасшедшая, сказала она, я знаю, что говорю, молодые господа мертвы и похоронены, они ехали на машине за границей и сломали там шеи, где-то в горах, из-за их дурацкой быстрой езды.

В Кицбюле, спросил мой муж испуганно, и женщина сказала, это место могло так называться, а могло и по-другому, эти иностранные названия невозможно понять. Тем временем она прошла мимо нас, поднялась наверх по ступенькам и отперла дверь, мы хотели только увидеть, что она говорит правду и что дом пустует, с её разрешения мы могли посмотреть комнаты, но свет включать не могли, она вывернула электрические лампы для себя, господин управляющий был не против.

Мы шли вслед за женщиной, пахло душно и затхло, и на лестнице я схватила моего мужа за руку, это была просто другая улица, или нам это всё приснилось, двум людям могут присниться абсолютно одинаковые сны в одну и ту же ночь, здесь что-то такое, а сейчас нам пора идти. Да, сказал Антон с большим облегчением, ты права, нам здесь нечего искать, и он остановился и полез в сумку, чтобы взять немного денег, которые он хотел дать соседке за её труды. Она, правда, уже поднялась в верхнюю комнату, и нам нужно было последовать за ней и тоже войти в комнату, хотя у нас не было никакого желания это делать, и мы были абсолютно уверены, что всё это была какая-то ошибка или выдумка. Проходите, сказала женщина и начала открывать ставни, не полностью, только немного, лишь настолько, чтобы всю мебель было чётко видно, особенно круглый стол с креслами вокруг и с тонким слоем пыли на подносе, стол, на котором лежал только один предмет, который теперь высветился упавшим на него лучом солнца, - плоский золотой портсигар.

Библиографический список

1. Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь [Электронный ресурс]. URL:
https://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_rus/
2. Universal-Lexikon [Электронный ресурс]. URL:
http://universal_lexikon.deacademic.com/
3. Dagmar von Gersdorff: Marie Luise Kaschnitz. Eine Biographie. Insel, Frankfurt am Main 1992
4. <https://www.dw.com/ru/портрет-мария-луиза-кашниц/a-625181>
5. Кашниц М.Л. Рассказы. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 144 с.